

Посвящается Лизе и моей матери

Я понял, что все мы живем в чумной скверне,
и я потерял покой.

Камю. Чума

И больше не умел я отличать, что хорошо, что
плохо, Ведь плоть моя покрылась шерстью, А
мысли обратились

В звериное чутье и воле Божьей послушанье.

Кантри-фолк-группа «Блицен траппер», «Furr»

Часть первая

ГЛАВА 1

Сон не идет. Всю ночь Патрик Гэмбл лежит на кровати с закрытыми глазами, но даже сквозь сомкнутые веки различает, как сменяются на часах красные цифры: два, три тридцать, четыре десять... И вот наконец четыре тридцать. Будильник не успевает прозвонить — Патрик уже на ногах. Щелкает выключатель. Рядом с постелью стопкой сложена его одежда: синие джинсы и черная футболка. Все готово, настал момент, которого он с таким содроганием ждал последние два месяца. Патрик одевается, бредет в ванную, принимает душ, чистит зубы мятной пастой и смазывает подмышки дезодорантом. Потом возвращается в комнату, кидает туалетные принадлежности в разинувший пасть чемодан.

И замирает над ним, словно ждет чего-то, словно достаточно только очень сильно захотеть — и желаемое сбудется. Но последняя надежда тает: Патрик затылком чувствует взгляд появившегося в дверях отца и оборачивается.

— Пора, сынок.

Нет, он не заплачет. Это отец его научил. Если уж станет совсем неспособен, плакать надо

тайком, чтобы никто не видел твоих слез. Патрик застегивает молнию на куртке и поднимает чемодан. Из зеркала на дверце шкафа на него смотрит собственное отражение: на верхней губе прорезалась щетина, глаза от бессонницы красные, как у кролика. Он отворачивается и молча спускается в гостиную.

Возле дома стоит заведенный грузовик. Аромат сосен смешивается с запахами выхлопных газов. Вот-вот на темном небе появится солнце, но пока на горизонте лишь едва заметное свечение, ложный рассвет. Колесики чемодана увязают на гравийной дорожке, и Патрику приходится тянуть его обеими руками. Отец хочет помочь, но он резко отвечает: «Не надо» — и сам закидывает чемодан в кузов.

— Не сердись! — Слова отца повисают в воздухе, и Патрик с лязгом захлопывает задний борт грузовика.

На сиденье лежит завернутый в салфетку бутерброд с арахисовым маслом, но желудок у Патрика сжался в болезненный комок, о еде даже думать не хочется.

Грузовик едет по обсаженной деревьями гравийной дорожке, и в свете фар на стволах пляшут длинные тени. На проселочной дороге ни души, но вот они уже выехали на шоссе и

нырнули в поток автомобилей. Теперь на юг, в сторону Сан-Франциско. Половина неба усыпана звездами, а другую половину закрывают клубящиеся черные тучи, которые время от времени прошивает золотая проволочка молнии.

Отец выражает надежду, что погода наладится и самолет взлетит без проблем. Патрик соглашается.

— Ты записал номер Нила? — спрашивает отец.

— Записал.

— На тот случай, если вдруг мамы дома не будет или же возникнут какие-нибудь проблемы.

— Да, папа, я понял.

— Вообще-то, вряд ли, но мало ли что — а до Нила ехать всего три часа.

— Угу.

Небо из черного становится лиловым, солнце, звезды и тучи устроили там настоящую битву. Патрику приходит в голову, что именно так все и обстоит в жизни: океан, лес, пустыня, город, облака, туман, солнце — они существуют по отдельности и в то же время постоянно

находятся в противоборстве, множество миров сталкиваются друг с другом.

Через полчаса над горизонтом появляется огненный шар, на который больно смотреть. Отец изо всех сил сжимает руль, словно боится, что если отпустит его, то машина сломается. До самого аэропорта оба молчат, им нечего больше сказать, все уже давно сказано. Патрик не хочет никуда ехать, но кого интересуют его желания — он должен. Как и его отец, который всю свою жизнь делает то, что должен.

На небе клубятся тучи. Накрапывает дождь. Пронзительно кричат чайки. Вокруг залива стеной встал туман. Вдалеке в дымке смутно темнеют холмы, с шоссе доносится приглушенный гул. Автомобили съезжают с основной трассы на дорожки, ведущие к долгосрочным парковкам, стоянкам прокатных автомобилей, терминалам международного аэропорта Сан-Франциско. Вот черный седан с серебристым радиатором направился вниз, в подземный тоннель, к залу прибытия. Другие машины останавливаются у края тротуара, их водители открывают багажники, включают сигнализацию. Но седан едет дальше, мимо всеобщей суеты, сворачивает за угол, туда, где тоннель чуть изгибается между бетонными

стенами, и притормаживает. Открывается дверь, и из автомобиля выходит мужчина с кейсом. Он не прощается с водителем и не оглядывается.

Через минуту мужчина уже входит в здание аэропорта, на его губах играет улыбка. Типичный бизнесмен, предвкушающий выгодную сделку. Черный кожаный кейс с серебряными застежками, начищенные до блеска остроносые ботинки, тщательно выглаженный темно-серый костюм, крахмаленная белая рубашка, красный галстук. Напомаженные волосы зачесаны набок; они с проседью и от этого кажутся присыпанными золой. На первый взгляд самый обычный мужчина, который ничем не отличается от сотен других пассажиров, оказавшихся здесь этим утром. Весьма заурядная внешность — человек из толпы.

Но если присмотреться, можно заметить слишком бледные щеки и покрасневшую шею, усыпанную язвочками: мужчина этот явно раньше носил бороду и сбрил ее накануне ночью. Еще можно заметить, как побелели костяшки пальцев, сжимающих ручку кейса. Чуть красные от недосыпа глаза, плотно сжатые челюсти, вздувшиеся желваки.

Но в аэропорту царит обычная суматоха, и никто ничего не замечает: ни охранники, ни стюардессы, ни пассажиры. Шум, толкотня,

настоящий карнавал звуков и лиц. Над входом подмигивает датчик, и стеклянные двери распахивают пасть. Мужчина входит в отделение выдачи багажа. Вот стайка японских туристов в кислотно-зеленых спортивных костюмах. Вот толстяк, едва уместившийся в кресло-каталку. Вот усталые родители с огромными рюкзаками волокут за собой раскрасневшихся отпрысков. Вот какой-то человек в кроссовках на липучках и серой ветровке запрокинул голову и, глядя на ворону, примостившуюся на белой металлической балке, удивленно спрашивает: «А это еще здесь откуда?»

Мужчина протискивается сквозь толпу, поднимается по эскалатору, проходит мимо касс прямо к пункту досмотра. Идет он быстрым уверенным шагом, но глаза его лихорадочно бегают по сторонам. Из нагрудного кармана темно-серого костюма торчит краешек распечатанного накануне посадочного талона, его можно принять за каемку носового платка. Мужчина дотрагивается до кармана: проверяет, на месте ли билет.

Бритоголовый охранник, почти не глядя на пассажира, быстро проводит лучом специального синего фонарика по удостоверению личности и подписывает посадочный талон:

— Все в порядке.

— Спасибо.

Длинная очередь движется сквозь лабиринт из черных заградительных шнуров. Оказавшись под рамкой металлоискателя, мужчина закрывает глаза и задерживает дыхание. Охранник машет рукой:

— Проходите, все в порядке.

Через мгновение аппарат для досмотра багажа выплевывает пластиковый ящик с остроносими ботинками, кейсом, бумажником и серебряными часами. Перед тем как вновь застегнуть ремешок на запястье, мужчина внимательно смотрит на циферблат. До начала посадки еще сорок минут.

Сегодня он не позавтракал, и желудок болезненно сжимается. Из ближайшей забегаловки доносится восхитительный запах сосисок и яичницы. Устоять невозможно. Внутри у него все буквально переворачивается от голода. Мужчина заказывает сэндвич и нервно расхаживает из стороны в сторону в ожидании, пока его приготовят. Наконец официант выкрикивает номер его заказа, он забирает со стойки бумажный пакет, рвет его и, чуть ли не задыхаясь от нетерпения, запихивает в рот содержимое. Слизирует остатки жира с обертки, сминает ее и выкидывает в урну. Облизывает пальцы. Вытирает руку о брючину, отчего на

темной ткани остается лоснящийся след. Но мужчина не замечает этого, он оглядывается вокруг: не обратил ли кто на него внимания. И кое-кто действительно обратил. Рядом в кресле-каталке сидит старушка со сморщенным, словно высушенное яблоко, лицом; ее волосы напоминают пух одуванчика. Рот старой дамы разинут от изумления, видны пожелтевшие зубы.

— Надо же, как вы проголодались!

Мужчина отправляется к посадочным воротам и замирает возле испещренного дождевыми каплями окна. Сквозь свое призрачное отражение разглядывает самолет. Внизу, разбрызгивая воду на асфальте, разъезжают туда-сюда заправщики и тележки с багажом, небо в лужах то и дело покрывается рябью. У работников аэропорта поверх дождевиков надеты яркие оранжево-зеленые жилеты со светоотражателями. Чемоданы кидают на конвейер и отправляют наверх, в обнажившееся нутро самолета. Вдалеке по взлетной полосе мчится ДС-10, похожий на гигантскую пулю: все быстрее и быстрее; вот его нос задирается, огромная машина отрывается от взлетно-посадочной полосы и взмывает вверх. Через мгновение самолета уже нет — он исчез среди туч.

Мужчина то и дело сверяется с часами.

Галстук сдавливает шею. В костюме жарко. Хочется снять пиджак, но рубашка липнет к телу: ткань наверняка покрылась влажными пятнами и насквозь промокла на спине. Пот катится с него градом. Мужчина промокает лоб посадочным талоном, и чернила на белой бумаге чуть расплываются.

Сотрудница аэропорта проходит за стойку и объявляет по громкой связи номер рейса и пункт назначения: триста семьдесят третий, до Орегона. Ее равнодушный механический голос словно бы доносится из жестяной банки: «На посадку приглашаются пассажиры первого класса и держатели специальных карт». Мужчина снова смотрит на часы и уже в сотый раз за утро проверяет, на месте ли посадочный талон. Вылет через двадцать минут, он в группе номер два. Как же трудно стоять на месте.

Еще несколько минут. Может, подойти к стойке и смешаться с группой людей, ожидающих посадки? Но все эти тела, тепло, запахи... Нет, лучше остаться возле окна.

Теперь просят пройти на посадку пассажиров с детьми и инвалидов. Потом группу номер один. И наконец, группу номер два. Мужчина спешит к воротам. Но там столько народу, столько чемоданов, что сразу и не разберешь, кто садится в самолет, а кто только ждет своей очереди. Все

толкнутся на месте, настоящая стена из мяса. Хочется раскидать их в стороны, швырнуть в них что-нибудь, но он берет себя в руки, выравнивает дыхание, обходит толпу и находит конец очереди. Пассажиры суетятся, протягивают девушке в форме посадочные талоны, а та сканирует штрихкоды, улыбается равнодушной улыбкой и все повторяет: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Только сейчас он замечает полицейских: те стоят прямо у входа в телетрап и внимательно изучают пассажиров. Мужчина и женщина, оба широкоплечие и мощные, объемистые животы выпирают из форменных курток. Ясное дело, его поджидают, кого же еще. Вот сейчас копы набросятся на него, повалят на пол, защелкнут наручники. До стойки осталось всего несколько шагов, но полицейские вдруг подходят к женщине в мягкой шляпе и длинном цветастом платье. Извиняются: мол, осуществляется выборочная проверка пассажиров. «Это для вашей же безопасности».

Он улыбается и протягивает девушке в форме посадочный талон.

— Спасибо.

— Вам спасибо.

Очередь изгибается. Пассажиры неспешно заходят в распахнутый зев телетрапа. Они синхронно клонятся в сторону: у каждого на плече болтается сумка с ноутбуком. Сквозь щели задувает холодный влажный ветер. Мужчина в своей пропитанной потом одежде вздрагивает от холода.

— Боитесь летать? — спрашивает кто-то у него за спиной.

Низенький, приземистый незнакомец с козлиной бородкой, на бейсболке и ветровке — оранжево-черная эмблема Орегонского университета.

— Чуть-чуть.

Телетрап загибается влево, вот уже и люк самолета. Возле кухонного отсека, у самого входа, стоит стюардесса и улыбается ярко накрашенными губами:

— Мы рады видеть вас на борту.

Он проходит мимо вместе с другими пассажирами, чуть спотыкаясь, ковыляет по проходу через притихший салон первого класса. Те, кто уже успел разместиться, с шелестом разворачивают газеты. Верхние отделения для багажа раскрыты — разъявленные рты, готовые

поглотить сумочки, сумки и кейсы. Люди забрасывают наверх вещи и рассаживаются.

Ему кейс не понадобится. Там только пара ручек да вчерашняя газета. Мужчина убирает его наверх и усаживается. Место 13 «А». Он поднимает шторку на иллюминаторе и смотрит на здание аэропорта, но тут кто-то плюхается в соседнее кресло. Давешний незнакомец с козлиной бородкой.

— Это снова я.

Он ничего не отвечает, лишь защелкивает пряжку и подтягивает ремень безопасности. Опять выглядывает в окно, смотрит на лужи на асфальте, на грузчиков, кидающих последние чемоданы на ленту конвейера. Хорошо бы человек с козлиной бородкой помолчал.

Увы, напрасные надежды. Его сосед не прочь поболтать.

— Куда направляетесь?

— В Портленд.

— Ну да, конечно. Мы все туда летим. Просто хотел спросить, там ли у вас конец пути.

— Конец пути? — Мужчине трудно

выговаривать слова, беседа отвлекает его и кажется неуместной. Мысли его далеко, он уже прыгнул на двадцать минут вперед, опередив взлетающий самолет. — Да, там.

— Портленд, город роз. — Бородач растягивает слово: «ро-о-оз». — Вы сами оттуда?

— Нет.

— И я нет. Я из Сейлема.

Назойливый собеседник принимается насвистывать песенку, но быстро замолкает, вытаскивает из кармана на спинке кресла журнал, листает его и сообщает:

— Да, кстати, меня зовут Трой.

В проходе толпятся пассажиры. За окном самолеты плавно опускаются на землю с низкого серого неба и взмывают ввысь. Вот один исчез в облаках, а вот появился другой: они словно морские птицы в погоне за добычей. Хвосты у них красные, лиловые и синие. Взвизгивают тормоза.

Наконец люк закрывается. От перепада давления у мужчины закладывает уши. Стюардесса по громкой связи приветствует всех, торопливо рассказывает о маршруте и переходит

на плавный певучий тон: «Пристегните, пожалуйста, ремни и прослушайте правила поведения на борту». Он не обращает внимания на ее оживленное щебетание. Шипят вентиляторы. Ворчат двигатели. Самолет отъезжает от терминала, несколько раз разворачивается и подкатывает к взлетной полосе. Командир отрывисто рывкает в микрофон: «Экипажу приготовиться к взлету».

Машина устремляется вперед, набирает скорость. Дождевые капли тоненькими дрожащими росчерками размазываются по стеклу иллюминатора. Рычат двигатели. Самолет отрывается от земли. В первый момент пассажиров вжимает в кресла, но мужчина чувствует себя невесомым, испытывает мощный прилив энергии. Внизу в тумане остался город. «Наверное, — думает он, — сейчас люди поднимают головы и провожают нас взглядами». Люди в машинах, люди на шоссе. Гадают, куда направляется самолет, кто на борту, какие приключения ожидают пассажиров. А он единственный знает ответ, и от этого его охватывает головокружительное ощущение всемогущества.

Трой наклоняется ближе, их плечи соприкасаются.

— Да не волнуйтесь вы так. Летать совсем не

страшно. Я вот, например, постоянно летаю туда-сюда.

Только сейчас мужчина замечает, что судорожно и громко дышит. Он с клацаньем захлопывает рот и моргает.

— Ничего, все в порядке.

— Если верить статистике, — не унимается Трой, — почти все авиакатастрофы... я об этом где-то читал... Точно. Или про это по телевизору говорили? Ну, не важно... Так вот, почти все авиакатастрофы происходят во время посадки или взлета. Сейчас мы взлетаем, а когда наберем нужную высоту, то эта дама, ну, в смысле стюардесса, объявит по громкой связи: мол, теперь можно пользоваться компьютерами и другими устройствами. И будет такой «дзинь»! — На слове «дзинь» ладонь Троя раскрывается, словно бутон цветка. — И тогда вы поймете: все в порядке, опасность миновала. Ну, если верить статистике.

На протяжении следующих нескольких минут мужчина, уткнувшись в иллюминатор, смотрит на проплывающие мимо облака. Потом откуда-то сверху раздается тихий звон.

— Вот! — восклицает Трой. — Все в порядке!

Снова оживает громкая связь. Стюардесса сообщает, что теперь можно пользоваться электронными устройствами. Однако в ближайшие полчаса самолету придется пройти через зону турбулентности. «Так что, пожалуйста, не расстегивайте ремни безопасности и по возможности оставайтесь на своих местах».

Самолет трясет. Или это его трясет? Мужчину слегка колотит, будто душа вот-вот выскочит из тела. Сердце бешено стучит. Он дышит прерывисто и с трудом. Той что-то говорит, его губы шевелятся, но мужчина ничего не слышит.

Он расстегивает ремень безопасности, и пряжка щелкает, словно нож с выкидным лезвием.

Зря Патрик взял в аэропорту большую кока-колу. Но ведь надо было как-то бороться с сонливостью, а кофе он не пьет. Кофе на вкус ужасно гадкий. А большая кола стоила всего на десять центов дороже средней. Так что он подумал: какого черта. Такое уж паршивое сегодня выдалось утро. Сплошное «какого черта». Отец бросает сына, бросает работу в «Энкор стим» и отправляется на войну, его срочно мобилизовали. А Патрик бросает отца, бросает Калифорнию, друзей, школу, бросает все, из чего

состоит его жизнь, из чего состоит он сам. Так и хочется разбить кулаком окно, что-нибудь поджечь, врезаться на машине в кирпичную стену, но нужно оставаться спокойным. Нужно просто сказать себе: какого черта. Ведь он обещал отцу.

«Патрик, я все прекрасно понимаю. Я и сам не хочу никуда уезжать. И ты тоже не хочешь ехать. Но нам придется. Это же всего на один только год. Представь, что едешь на каникулы. Заодно и маму получше узнаешь».

Целый год. Именно столько отцу предстоит там прослужить. А Патрику придется смириться и терпеть.

А теперь ему приспичило в туалет. Сидит он возле окна, а рядом две женщины, и перед каждой на столике раскрытый ноутбук. Так что просто протиснуться мимо не выйдет. Надо просить женщин, чтобы встали и выпустили его. Настоящее представление, все пассажиры вылупятся на Патрика и смекнут: «Вот этому пацану приспичило в туалет». И будут думать об этом, когда он закроет дверцу пропахшей моющим средством уборной, расстегнет непослушную молнию, держась за стенки, чтобы не упасть в трясущейся кабинке. Может, он дотерпит? Но с другой стороны, до Портленда еще целых два часа, а мочевого пузырь так

раздулся, того и гляди лопнет. Патрик уже почти решил вежливо дотронуться до запястья соседки. И тут вдруг через два ряда от них стремительно встает мужчина в темно-сером костюме.

Лицо у него бледное и потное. Он весь едва заметно дергается, тело незнакомца будто вибрирует. На лоб из зачесанной набок челки выбилось несколько непослушных седых прядей. Может, его укачало? Плохо переносит турбулентность? Мужчина ковыляет по проходу и захлопывает за собой дверь туалета.

Патрик чертыхается сквозь зубы. Теперь придется ждать, да еще вдобавок этот тип все там заблюет, запачкает зеркало и дверную ручку. Проходит три минуты. За это время Гэмбл трижды оборачивается и проверяет, не освободилась ли уборная. Хоть бы дверь уже поскорее открылась. Но каждый раз Патрик замечает все новых людей, становящихся в очередь. Все они с накупившимися лицами ждут в проходе, сложив руки на груди. Видимо, и ему тоже надо туда встать.

Патрик отстегивает ремень и открывает рот, чтобы обратиться к соседке. Но тут из хвостовой части самолета внезапно доносится громкое рычание. Какой странный звук, абсолютно не похожий ни на гул двигателей, ни на голоса

пассажиров. Уж не случилось ли чего-нибудь с самолетом? Патрик вспоминает, как в новостях рассказывали про проблемы в авиации: во многих авиакомпаниях пренебрегают регулярными техосмотрами, а некоторым машинам вообще не следует подниматься в воздух. Может быть, из-за турбулентности разболтались крепления, на которых держится хвост?

Снова рычание — протяжный горловой звук, явно не механический шум, больше похоже на какое-то животное. Разговоры в салоне смолкли, слышен лишь скрип кресел — обеспокоенные пассажиры оборачиваются.

Дверь уборной распаивается.

Сначала погибает лысый мужчина в футболке худи с эмблемой в виде футбольного кубка: именно он стоял первым в очереди. Дверь отбрасывает его назад. Падать некуда — места слишком мало, и он упирается спиной в стенку. А из туалета вырывается нечто, неясный серый призрак. Мелькают когти, покрытое шерстью тело с вздувшимися мышцами. Крик лысого мужчины смолкает, когда тварь выбрасывает вперед руку. Или лапу? На горле несчастного словно бы распаивается второй раззявленный рот, он пытается зажать рану руками, каким-то образом остановить кровь. Но кровь брызжет

между пальцами. Тишина сменяется воплями, звук нарастает и падает, как вой сирены.

Тварь устремляется вперед по проходу.

Патрику невольно вспоминается опоссум, которого как-то поймал отец. Они живут на маленькой ферме неподалеку от Сан-Франциско, рядом с Догтауном. Пол-акра грядок, засаженных морковкой и помидорами, кусты малины, три козы, пчелиные ульи и курятник. Однажды ночью суматошно закудахтали куры, и отец бросился во двор, освещая дорогу фонариком, но нашел лишь кучу перьев, осколки скорлупы и полумертвую насадку с оторванным крылом и перекушенным горлом. Они поставили капкан (клетку с дверью на пружине) и положили приманку (вареные яйца и переспелые бананы). Следующей же ночью опоссум попался. Зверь метался в клетке, шипел, бросался на прутья и грыз их острыми, как иглы, зубами. Учитель естествознания как-то сказал им, что животные чувствуют иначе, чем люди. Но в тот момент Патрик понял: учитель ошибается. Опоссум чувствовал в точности как человек. Он испытывал гнев и ненависть и хотел убить их за то, что с ним сотворили. Патрик знал: опасности нет, клетка выдержит, а отец сейчас принесет ружье и пристрелит хищника. Но все равно старался держаться от капкана подальше и вздрагивал всякий раз, когда животное бросалось

на прутья.

Конечно, Гэмбл знает, что это за тварь. Это волк-оборотень, или ликан. Сотни раз он слышал о ликанах, читал про них в книгах, газетах и учебниках, видел их в кино и по телевизору. Но ни разу не встречал оборотней в реальной жизни. Ведь трансформация строго запрещена.

Ликан перемещается так стремительно, что движения его почти неразличимы. Вроде бы похож на человека, только весь покрыт серой шерстью, точь-в-точь как тот опоссум. Мелькают клыки. Из распоротого кресла вываливается клок пористого пластика, похожего на белый жир. Кровь живописно брызжет на иллюминаторы, капает с потолка. Тварь передвигается то на двух, то на четырех конечностях. Спина чуть согнута. Вместо лица — тупорылая морда. Изогнутые острые зубы напоминают костлявые пальцы: не оскал, а кулак скелета. Ручищи жадно тянутся вперед, длинные когти рассекают воздух. Вот лицо молодой пассажирки рвется на части, словно маска. Вот из чьего-то живота вылезают кишки. Вот чье-то горло расцветает жутким кровавым поцелуем. Вот маленький мальчик взлетает в воздух и ударяется о стену.

Самолет содрогается. Командир экипажа что-то кричит по громкой связи, но слов не разобрать, их заглушают вопли. Кто-то рыдает.

Кто-то молится. Некоторые пассажиры вылезли из кресел, сгрудились в передней части салона и молотят руками и ногами в дверь кабины пилотов, в отчаянии бьются в нее плечами: они так хотят попасть внутрь, спрятаться от приближающегося к ним по проходу ужаса.

Патрик вспоминает, как недавно сидел перед телевизором, бесцельно переключал каналы и наткнулся на какое-то ток-шоу: выступал немолодой мужчина с ежиком седых волос и совершенно детским круглым лицом. Уставившись прямо в камеру, он говорил о ликанах, об акциях протеста в Вашингтоне и о положении в Республике: «Черт с ним, с равноправием. Никто не посмеет заявить, что у меня и у моей собаки равные права. И ответственность за это несу не я, а природа».

Отец тогда взял пульт и выключил телевизор.

— От разглагольствований этого субъекта у меня пропал аппетит, — сказал он, ковыряя вилкой спагетти и размазывая по тарелке красный соус.

Лицо у него было бледное и опухшее: накануне ему сделали кучу прививок. В случае укуса вакцина должна задержать распространение инфекции. Отъезд планировался уже через несколько дней.

Калифорнийский отряд, инженерная бригада номер двести тридцать пять, сначала отправится в Петалуму и будет целую неделю усиленно заниматься подготовкой, а потом полетит в Республику. Основная задача — расчищать дороги и обезвреживать мины. В последнее время там обнаруживают все больше самодельных взрывных устройств, все чаще натываются на засады, в Республике постоянно завязываются перестрелки. Ликаны сражаются при помощи ружей и когтей, они не желают терпеть американцев на своей земле, хотят, чтобы военные покинули их страну. Битком набитый зеленый рюкзак отца стоял в коридоре, и Патрику при виде него представлялся гигантский желудок, который вытащили из убитого на охоте оленя.

Во всем виновата война. Именно из-за нее он оказался здесь, в самолете, и именно из-за нее ликан сейчас разносит этот самолет на куски. Патрик проклиная войну, проклиная ликана, проклиная отца. И в то же время хочет, чтобы тот сейчас оказался здесь. Уж отец бы не испугался, а, сжав кулаки, ринулся вперед. Не описался бы, как Патрик. Кока-кола наконец-то вылилась из него: теплая моча стекает по джинсам, по ногам, прямо в ботинки.

Задняя часть салона вся в крови, брызги ее образуют на стенах замысловатые узоры,

напоминающие наскальные рисунки. Повсюду в разных позах раскиданы трупы, этакий сад поверженных статуй. До сих пор соседка Патрика сидела неподвижно и молчала. Страх приковал ее к месту. Ноутбук раскрыт, рука застыла на клавиатуре, пальцы надавили на клавиши, и на экране одна за другой перелистываются страницы, их заполняет одно длинное, нескончаемое слово, которое никто и никогда не прочтет. Ликан приближается, и женщина пытается встать, но не может: мешает пристегнутый ремень. Она, всхлипывая, возится с пряжкой и наконец выбирается в проход. Медлит, возвращается, хватая с откидного столика ноутбук. Зверь бросается вперед, вырывает у женщины из рук компьютер и обрушивает его прямо ей на голову. Раздается глухой стук, вспыхивают искры, на пол дождем сыплются куски пластика. У несчастной на шее теперь ожерелье из проводов, которые изгибаются, словно вены, с одного свисает обломок монитора. Ликан подтягивает жертву ближе, будто хочет обнять, и утыкается треугольной мордой ей в шею.

Внезапно хор воплей пререзает чей-то резкий возглас. Один из стюардов, азиат, спешит по проходу, спотыкаясь о мертвые тела. Он выскочил из кухни в хвосте самолета, в одной руке у него дымящийся кувшин с кофе, а в другой

— открывашка с изогнутым серебристым когтем.

Ликан отбрасывает женщину в сторону, а стюард ловко швыряет в него кувшин. Кофе выплескивается и повисает в воздухе длинной коричневой дугой. Патрик не видит, что происходит дальше: на него упал труп соседки. Он только слышит пронзительный визг ликана: твари больно.

Гэмбл ударяется спиной о стену. Труп вдавливают его между сиденьями, прикрывают, будто щит. Запах духов мертвой соседки мешается с запахом крови. Ее тело подрагивает. Что это, конвульсии? Самолет все еще находится в зоне турбулентности, так что нельзя сказать наверняка, но, возможно, она еще жива. Патрик обнимает ее и прижимает к себе. Закрывает глаза, пытается уйти в свою собственную темную вселенную, представить, что он дома, в Калифорнии, скоро его разбудит отец, скажет: подъем. Хорошо бы и уши заткнуть, не слышать воплей, которые не смолкают еще тридцать минут, самые долгие тридцать минут в его жизни.

ГЛАВА 2

Еще только август, а уже идет снег. За окном порхают огромные снежинки. Клэр сидит за письменным столом. Этот стол отец вырезал для нее из старой вишни. Ножки выточены в форме когтистых звериных лап, покрытых волнистым мехом. Остальная мебель в комнате совсем в другом стиле. На белой кровати с пологом расположились мягкие игрушки, на белом же комод, разрисованном виноградными лозами, беспорядочно громоздятся флаконы с духами и всевозможная косметика; колченогий книжный шкаф забит романами в жанре фэнтези и сборниками легенд и сказок. Ковер на полу оранжевый. Повсюду разбросана одежда. Лиловые стены увешаны плакатами: «Волшебник из страны Оз», мюзикл «Кошки», группа «Уилко». К пробковой доске припилены школьные фотографии, подставка под стакан, брелок со смайликом, пожелтевшие комиксы из журнала, медаль на ленточке — за победу в соревнованиях по бегу, браслет с когда-то живой розой. Его подарил Клэр один мальчик, на которого ей плевать. Роза засохла и напоминает скукожившееся сердечко.

Перед девушкой накренившаяся стопка брошюр — десятка два рекламных проспектов из

разных колледжей. Она открывает один. Клэр разослала уже, наверное, целую сотню электронных писем во все возможные приемные комиссии. Она учится в выпускном классе и тщательно планирует побег из родительского дома. Хватит с нее вечного холода, теплой одежды, жареной рыбы по пятницам и деревянных баров со стальными крышами. Она больше не желает жить на севере штата Висконсин.

Клэр делает пометки в желтом блокноте: плата за обучение, количество человек в группе, проходные баллы, контингент, обязательные программы, общая информация о городе и, разумеется, удаленность от дома. Это одно из самых важных требований. Пусть в Макалестере превосходный факультет английской литературы, но раз этот колледж всего в пятистах милях отсюда, он ее не интересуется.

Нет, вообще-то, у нее хорошая семья, любящие родители. Правда, мать иногда ворчит. А отец один раз даже отшлепал Клэр, когда та еще совсем крохой самовольно удрала на улицу. Родители постоянно разглагольствуют о политике и никуда не возят дочь на каникулы, разве что в Висконсин-Деллс. Но в остальном ей очень повезло, и девушка прекрасно это понимает. Она, можно сказать, ни в чем не знает отказа. Но... как бы это лучше объяснить... Дело в

том, что Клэр всегда очень много читала, и теперь ей хочется большего: девушку буквально переполняет жажда, которая уже пропитала все ее естество. Клэр жаждет приключений. А приключения никогда не случаются здесь, в лесной глуши, среди вековых сосен и прозрачных озер, в краю молока и сыра.

Вот бы там, куда она поедет, были пальмы. Клэр воображает себя на пляже: можно читать учебник, лежа на белом песке, который вылизывают синие волны. Цвет у них точь-в-точь, как у тех старинных бутылей, что мама расставила на подоконнике в ванной.

Глянцевые брошюры блестят в золотистом свете настольной лампы. Клэр пролистывает каждую по два раза: сначала смотрит картинки и только потом внимательно читает текст. Ее подруги обычно так разглядывают журналы мод. Картинки завораживают девушку. Башни с часами, мощенные кирпичом дорожки, залитые солнечными лучами лужайки, обшитые темными деревянными панелями библиотеки, окна с витражами. Вот перед студентами выступают знаменитости. Вот обнаженные по пояс парни кидают друг другу летающую тарелку. Вот по полю для регби гоняются друг за дружкой коренастые, заляпанные грязью девчонки. Вот под сенью вязов расселись кружком студенты с ноутбуками и блокнотами, а им что-то

рассказывает чудаковатый профессор с растрепанными волосами. От этих картинок внутри у Клэр все трепещет, почти как от голода.

Некоторые университеты пишут о проценте учащихся-ликанов, о группах поддержки, специальных общежитиях и студенческих сообществах, а в других проспектах об этом нет ни слова. Где-то в стопке есть и брошюра колледжа Уильяма Арчера. Его в свое время закончили родители Клэр. Отец прямо не просил ее подавать туда заявление, но несколько раз заводил разговоры о том, какое это замечательное учебное заведение, какие там стипендии, как здорово и безопасно находиться среди себе подобных. «Особенно, — подчеркивал он, — в нынешние беспокойные времена».

Но Клэр такая перспектива не слишком привлекает. Вокруг и так одни только ликаны. Папа и мама вечно устраивают сборища и посиделки, приглашают на них таких же, как и они сами, одержимых активистов: все потрясают кулаками и рассуждают с серьезным видом, будто выступают на суде. Дескать, с ликанами обходятся несправедливо, а американские войска не уходят из Волчьей Республики лишь из-за урановых рудников. Мол, нужны перемены. Клэр все понимает, честное слово. Но родители и их друзья придерживаются слишком уж радикальных левых взглядов. Иногда девушке

хочется возразить: ведь власти Республики на самом деле на стороне американцев, которые помогают в добыче урана и поддерживают порядок. А недовольны оккупацией лишь немногочисленные ликаны-экстремисты. Но Клэр недостаточно хорошо подкована и боится разозлить взрослых еще больше.

Вообще, политика мало интересует Клэр. И она с удовольствием поговорила бы о чем-нибудь другом. Ну, например, о своем любимом сериале «Баффи — истребительница вампиров», или об однокласснике Майке Ромме (у него так воняет изо рта), или о том, что на занятия по матанализу мистер Бронсон заявляется в брюках хаки и у него отчетливо видно вспучившуюся ширинку. Да о чем угодно. Клэр не особенно нравится быть ликаном. Родители бы расстроились, если бы узнали, но это правда. Иногда девушка чувствует почти раздвоение личности, словно внутри у нее одна Клэр воюет с другой. Когда та, вторая, сущность впадает в спячку и можно ее не замечать, жить гораздо спокойнее.

Колледж Уильяма Арчера находится в штате Монтана, рядом с Миссулой — это больше чем в пятистах километрах от дома, а значит, соответствует ее главному требованию. Но колледж располагается в самом центре окруженной горами долины. А она больше не собирается мерзнуть; по крайней мере в

ближайшие четыре года. Клэр обдумывает эту мысль, глядя в окно. За стеклом танцуют пушистые снежинки. Взгляд девушки фокусируется на собственном отражении.

Лицо у нее бледное. Все лето Клэр старательно загорала, при каждом удобном случае мазалась специальным маслом: когда косила лужайку, каталась на водных лыжах по озеру Лун или лежала на солнышке на прибрежных скалах. Но загар этот недолговечен, скоро небо окончательно затянет тучами, и он постепенно исчезнет. Снова придется укутаться в шарф, надеть шапку и куртку, чтобы спрятаться от свистящих канадских ветров.

Ей снова представляется белый песок. Вот она растянулась на красном полотенце — точно в тон лаку на ногах и тоненьким полоскам бикини. Животик у нее плоский и коричневый от загара, а на носу от солнца высыпали веснушки. Клэр откладывает в сторону учебник. К ней по пляжу идет обнаженный по пояс молодой человек, поджарый и мускулистый брюнет. В руках у него корзина для пикника, а там — вино, клубника и шоколад. Это Рауль, ее парень. Они познакомятся на первом курсе, на семинаре для отличников. И в первый раз займутся любовью в гамаке, натянутом между двумя пальмами. Его кожа соленая на вкус, а зубы белые, как мякоть кокоса.

Снизу слышен громкий голос отца. Он возмущается, услышав что-то по телевизору, который смотрит весь день напролет. Белый песок из грез Клэр взвивается сверкающим вихрем и оборачивается снежной метелью за окном.

Сегодня днем она встретилась в «Старбаксе» со своей подругой Стейси. Девушки прогулялись по парку, а потом, сидя на качелях и вяло отталкиваясь ногами от гравия, выпили свой кофе, который взяли навынос. Тогда как раз резко похолодало, небо затянуло серыми тучами, и солнце скрылось. Качели вокруг поскрипывали, словно на них раскачивались привидения.

— Это нечестно, — сказала Клэр, — у нас украли последние летние денечки.

Домой она вернулась с покрасневшим от холода носом. В камине трещали дрова. Мама сидела на диване, закинув ногу на ногу, а отец расхаживал по комнате взад-вперед. Появление Клэр явно прервало какой-то важный разговор. Родители оглянулись, а отец застыл с раскрытым ртом и поднятой рукой, так и не закончив предложение. Пламя в камине дернулось, но снова выровнялось, когда девушка закрыла дверь.

— В чем дело? — поинтересовалась Клэр. — Что-нибудь случилось?

Мама — стройная, хрупкая и немного угловатая; треугольное лицо обрамляют короткие седеющие волосы; в то утро на ней были джинсы и красная футболка с капюшоном, на груди — эмблема местной баскетбольной команды — оглянулась на мужа и кивнула:

— Да, случилось.

Рядом с женой отец Клэр временами смотрится несколько гротескно: высокий и грузный, постоянно в движении, вечно говорит громко, почти кричит (иногда гневно, но чаще с воодушевлением), смеется гортанным смехом. Широкие плечи, большой живот, но лицо по-детски доброе, только чуть морщинистое, словно помятая фотография, заваливающаяся на дне комода. Он плотник и работает сам на себя. К их гаражу пристроена мастерская. Пальцы у него вечно в синяках от молотка, а в волосах застревают опилки.

Помрачневший отец, запинаясь, рассказал дочери о случившемся. Три самолета подверглись сегодня нападению террористов. Один, полыхая, рухнул на пшеничное поле под Денвером. Два других приземлились в Портленде и Бостоне. Пилоты уцелели, но все пассажиры

погибли. Все, кроме одного мальчишки-подростка, летевшего триста семьдесят третьим рейсом. Его личность пока не установлена. Больше никто ничего не знает.

Родители отвели Клэр в кухню, где беззвучно работал телевизор. На экране без конца прокручивали одну и ту же запись: самолет, окруженный машинами «скорой помощи» и полиции. Внизу бегущая строка: «Авиаперелеты по всей стране отменены. Власти подозревают, что во всем виновата террористическая организация ликанов. Президент пообещал срочно принять самые жесткие меры».

Мама и папа внимательно вглядывались в ее лицо и ждали реакции.

Клэр понимала: все это ужасно. Но катастрофа казалась ей такой далекой и ненастоящей, словно фильм или чужой ночной кошмар. Трудно было это прочувствовать. Она только и могла, что сказать: «Какой ужас!» — словно актриса, повторяющая заученную реплику. У отца посуровело лицо. Как в тот раз, когда она не захотела навещать бабушку в доме престарелых. Он еще тогда обозвал ее черствой и назвал типичным бездушным подростком. Как же Клэр на него за это разозлилась.

И сейчас отец думал точно так же, она видела.

Шея девушки покрылась красными пятнами.

— Ну чего ты так переживаешь? — спросила она. — То есть я, конечно, понимаю: это ужасно, столько людей погибло, но ты так реагируешь, будто сам их случайно убил.

Родители обменялись странными
многозначительными взглядами.

Клэр поднялась в свою комнату и не выходила весь день. Только один раз выскользнула на лестницу и прокричала матери, свесившись через перила:

— Ужин-то сегодня будет или как?

Мама едва слышно ответила, что ей не до еды.

В кухне надрывался телевизор, но время от времени он замолкал, и снизу доносился голос отца, который что-то отрывисто говорил в телефонную трубку.

Совсем недавно папа заходил к Клэр. Обычно он просто заглядывает в комнату и произносит: «Привет-привет», но в этот раз постучал.

— Что такое? — спросила она, приоткрыв дверь и не отпуская ручку.

Отец шагнул было в комнату, но потом снова отступил, откашлялся и спросил разрешения войти. У него явно было что-то на уме.

Клэр со вздохом плюхнулась на кровать, а он в нерешительности потоптался вокруг и наконец тоже уселся рядом. Матрас под ним прогнулся, и Клэр съехала прямо отцу под бок. Папа задумчиво покрутил в руках белый конверт, а потом отдал его дочери:

— Возьми.

— Что это?

— Видишь ли, Клэр. Неизвестно, какие будут последствия. Может, ничего страшного и не случится. Но в случае чего — открой этот конверт.

— Какие страсти, — сказала она, вздыхая.

Небрежно брошенный конверт опустился на стол, как подбитая птица. Отец не отрывал от него взгляд, а вот на дочь совсем не смотрел. Клэр заметила у него над ухом стружку и сняла ее, а он лишь рассеянно дотронулся до волос.

— Пап?

— Да?

Ну какие, интересно, могут быть последствия для их семьи? Если уж что-то где-то и случится, то точно не с ними. Ну кому они мешают? Они же такие обыкновенные и скучные, живут в богом забытой глуши, никому не делают ничего плохого.

— Пап, ты что имеешь в виду? Неужели думаешь, что всех ликанов решат посадить в тюрьму? Но мы же не виноваты в действиях террористов.

Отец посмотрел на раскрытые ладони, словно там в изогнутых линиях крылся ответ.

— Ты не все знаешь, девочка.

— В смысле?

Он грустно улыбнулся, обнял дочь одной рукой и притянул к себе. От него пахло свежими стружками и таким знакомым одеколоном.

— Наверное, я зря волнуюсь. Но лучше перебдеть, чем недо-бдеть.

— Говард? — послышался внизу мамин голос.
— У тебя телефон звонит.

— Да. Иду.

Он встал, и пружины в матрасе облегченно взвизгнули. Потом подошел к столу и постучал по конверту загрубевшим пальцем.

— Уважишь старика?

— Ладно уж.

И вот теперь Клэр откладывает в сторону рекламные проспекты, поджимает губы, берет конверт кончиками пальцев и взвешивает его на ладони. Может быть, там деньги? Или письмо? Или и то и другое? Открыть сейчас? А если не сейчас, то когда? Как ей узнать?

Девушка и не подозревает, что происходит в тот миг за окном. К их дому подъезжают машины: бронированные грузовики, черные седаны с правительственными номерами. Фары не горят. Ее семья живет почти в самом лесу, вокруг каждого дома — участок в пол-акра, и нет ни фонарей, ни тротуара. Автомобили тихонько останавливаются. Распахиваются двери. Клэр не слышит ничего: ни топота сапог, ни клацанья заряженных винтовок. Все звуки заглушает снегопад, укутавший ночь белым саваном.

Клэр ничего не знает о Высоком Человеке, который стоит возле черного «линкольна». На

нем строгий черный костюм с галстуком; голова у него лысая и гладкая, как мрамор; снежинки падают на нее и тают, капли стекают по его лицу. Клэр не знает, что Высокий Человек засунул руки в карманы и едва заметно улыбается.

Клэр не знает, что папа и мама сидят за кухонным столом и пьют из бутылки мерло. Они держатся за руки. Или даже не держатся — изо всех сил сжимают ладони друг друга, чтобы хоть как-то приободриться. А по телевизору показывают новости, и президент говорит о «хорошо спланированной террористической атаке, ударе, нанесенном в самое сердце американского народа».

Клэр не знает, что, когда, слетая с петель, распаивается входная дверь, отец держит в руках пульт от телевизора. Длинный черный пульт, который легко принять за пистолет.

Клэр не знает, что папа вскакивает, опрокинув стул; кричит: «Нет!» — и размахивает этим самым пультом, наступая на людей, вбегающих в дом из черной ночи. Вокруг них мокрыми бумажными обрывками кружится снег.

А потом Клэр слышит грохот, крики и выстрелы и понимает: нужно немедленно бежать.

Она редко трансформируется: делала это всего несколько раз в жизни. Во-первых, за трансформацию можно угодить в тюрьму, а во-вторых, превращаться ей совершенно не нравится. Сменив облик, Клэр ощущает себя такой чужой, гротескно чужой. А еще после трансформации остаются синяки и несколько дней все тело ломит. Как у детей, которые вдруг начинают расти слишком быстро и плачут по ночам от боли. Но родители время от времени заставляли дочь трансформироваться, специально для этого возили ее в Канаду. Такие поездки назывались в их семье «прогулки на полнолуние».

Теперь она чует чужаков: запах дезодоранта, крема после бритья, сигарет и жвачки. Запах оружейной смазки. Серный запах, остающийся после стрельбы. Клэр слышит учащенное дыхание незнакомцев. Доносящиеся из разных уголков дома выкрики: «Все чисто!» Топот сапог на лестнице. Они бегут сюда.

Кожа начинает жутко зудеть, будто девушку искусал пчелиный рой, появляется шерсть. Десны уходят вниз, клацают зубы, которые пока не умещаются во рту. Кости вытягиваются и сгибаются. Она издает дикий крик боли, словно женщина при родах: из одного тела сейчас

рождается другое. Клэр всегда плачет в этот момент. Кровавыми слезами. А сейчас она плачет не только от боли, в это мгновение ее жизнь бесповоротно изменилась.

Но все мысли быстро исчезают. У волка, которым она стала, нет времени на раздумья. Сознание сужается и концентрируется. Главное — выжить. Больше не существует ничего: ни любви, ни грусти, ни страха, ни тоски. Волна адреналина прокатывается через все тело, бросает ее к окну. На Клэр стремительно надвигается странная сгорбленная фигура — собственное отражение, которое она едва узнает. А потом девушка вылетает в ночь.

Осколки стекла ранят. Нет ни крыши, на которую можно спрыгнуть, ни водосточной трубы или решетки, по которым можно слезть. Только черная ночь, и Клэр в облаке из сверкающих осколков и снежинок падает сквозь нее, сквозь пустоту, извивается на лету, а в ушах свистит ветер. Земля несется ей навстречу.

Землю уже покрыл снег, но его слишком мало, он не смягчает падение со второго этажа. Клэр приземляется на все четыре конечности, перекачивается, скользит по лужайке. На снегу остается след — неровная продолговатая клякса, в которой зеленеет трава. Девушка врезается грудью в дерево, растущее на краю лужайки. От

сильного удара перехватывает дыхание. На мгновение ночь смыкается вокруг нее, но потом Клэр с шумом втягивает воздух. Запястье горит огнем, будто в него ткнули раскаленной кочергой. Она вся в порезах.

Из окна ее комнаты льется свет, и на поляну ложатся неровные оранжево-желтые треугольники и шестиугольники. Клэр сейчас прямо в пятне света, но вот его заслоняют тени — это люди врываются в ее комнату.

Она стряхивает с себя боль, вскакивает и замечает ярдах в двадцати Высокого Человека в черном костюме. Тот с любопытством смотрит на нее, склонив голову набок. Потом делает шаг и стремительно бежит к ней, вытянув вперед длинные руки.

Клэр бросается прочь от дома, мчится к деревьям. Вокруг вьется снег. Она словно очутилась внутри плотного ватного облака, сквозь которое иногда проглядывают шаровые молнии окошек и черные тучи высоких сосен. Среди них она и спешит укрыться.

ГЛАВА 3

Мириам встает рано. Натягивает джинсы и теплый джемпер, подходит к окну гостиной. Ее лицо двумя вороновыми крылами обрамляют черные растрепанные волосы. Черты у нее такие резкие, что о профиль Мириам, кажется, можно порезаться. Ей далеко за тридцать, но об этом трудно догадаться, о возрасте говорит лишь суровое выражение лица. На улице в полумраке гнутся и скрипят высоченные орегонские сосны. Ветер свистит в дверных и оконных щелях — похожий звук получается, когда дуешь в бутылку.

Рядом с домиком небольшая заросшая кипреем, кастилеей и мхом каменистая прогалина в форме полумесяца. Через нее проходит исчезающая в лесу подъездная дорожка, на которой стоит грузовик, старый «додж рамчарджер», черный с серебром. Добежать от деревьев до ее крыльца можно за считанные секунды, и женщина внимательно оглядывает затаившиеся между стволами тени.

Там кто-то есть. Мириам чувствует это так же отчетливо, как жабы и дождевые черви чувствуют приближение грозы. Просто меняется атмосферное давление, и они выползают из своих укрытий. Мириам знает наверняка. До

предела обострившиеся чувства не раз спасали ей жизнь. Глаза женщины прищурены, а уши будто бы встали торчком.

Минут десять она стоит у окна, а потом наконец возвращается к обычной утренней рутине: идет в кухню варить кофе. Если что-то и надвигается, лучше встречать неприятности, как следует проснувшись.

Мириам не включает лампу: света и так достаточно. Он льется из единственного окна, выходящего в лес. Здесь деревья подступают совсем близко к дому, и стволы тополей белеют, словно оскаленные зубы. Под окном изгибается в форме буквы «Г» столешница, покрытая серым огнеупорным пластиком, похожим на гранит. В нее вделаны плита с четырьмя конфорками и глубокая раковина. Рядом с раковиной примостилась кофеварка. Нужно смолоть зерна и налить воду. Вскоре кофе принимается булькать, а Мириам открывает ящик кухонного стола и достает оттуда кое-что посерьезнее обычного ножа. У нее по всему дому спрятано оружие, а здесь лежит «Глок-21» сорок пятого калибра. В барабане — тринадцать патронов.

Мириам прячет пистолет за пояс. Солнце поднимается все выше, тени отступают от домика, теперь они притаились в углах кухни. Женщина наливает полную кружку и

возвращается в гостиную. Но там вдруг останавливается, так внезапно, что кофе выплескивается через край и обжигает пальцы. Сквозь овальное матовое стекло, вделанное во входную дверь, виден чей-то силуэт. Гость настолько щуплый, что не разобрать, мальчик это или мужчина.

Завывает ветер, дымится кофе. Мириам ставит чашку на журнальный столик и идет к двери, медленно переступая босыми ногами, стараясь, чтобы пол не скрипел. Протягивает руку и ощущает легкое покалывание: между пальцами и ручкой проскочила голубая искорка. Открывать она не спешит — прислоняется к двери и громко говорит:

— Пак, оставь меня в покое.

Тень безмолвствует.

— Я не желаю больше в этом участвовать.

— Ты нам нужна, — отвечает незванный гость.

— Открой дверь.

Как же она ненавидит этот голос, всегда его ненавидела. Прерывистый, резкий, похожий на завывание расстроенной флейты.

— Пошел прочь. Убирайся.

— Ты нам нужна, — повторяет Пак.

Ветер набирает силу. Мириам чувствует его, чувствует, как он задувает через дверные щели, в нем ощущается привкус снега. На высоте пять тысяч футов зима всегда наступает раньше.

— Мы хотим вернуть тебя.

Мириам шепчет одними губами: «Черт», а потом утыкается лбом в стену, дергает засов и распахивает дверь. Ветер тут же врывается в комнату, треплет ее волосы, перелистывает страницы лежащей на журнальном столике газеты.

На крыльце, широко расставив ноги и уперев руки в бока, стоит невысокий поджарый мужчина. На нем темно-синие джинсы и обтягивающая черная футболка. Очень светлые, почти белые, волосы тщательно политы гелем и торчат в живописном беспорядке. Улыбающийся Джонатан Пак жует жвачку и приветливо поднимает правую руку. На ней недостает мизинца и безымянного пальца, вместо них белеют шрамы. Шрамы от когтей, напоминающие следы гигантских червей, украшают и его грудь и спину под футболкой. Мириам знает это, потому что те раны нанесла Паку именно она.

— Ближе не подходи, — предупреждает хозяйка, — иначе потеряешь и остальные пальцы.

Пак опускает руку. Его губы чуть подрагивают, а потом улыбка становится еще шире.

— Я чувствую запах кофе. — Он раздувает ноздри. — Может, пригласишь меня в дом и нальешь чашечку?

— Еще чего не хватало.

— Жаль, я бы не отказался от кофе. — Жвачка с громким звуком лопается. — Дорогая, ну почему бы тебе не впустить меня?

— Нет. Повторяю: оставь меня в покое.

— Честно и откровенно. — Пак легонько пожимает плечами. — Значит, я нежеланный гость. Что ж, побеседуем здесь.

— Я не хочу ничего слышать.

— Ты же смотрела новости? Да? И знаешь, что мы сделали?

Словно в ответ на его слова, порыв ветра сбрасывает с кофейного столика лист газеты.

— Да, я знаю, что вы сделали.